

ՀՈԳԵԲԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ ЧЕЛОВЕКА (Краткий историко-научный экскурс)

ВЛАДИМИР МИКАЕЛЯН

Практически любое исследование в обширной психологической науке так или иначе включает в себя проблему времени. Понятие «психологическое время» обладает очевидной эмпирической реальностью. Человек включен в сферу времени, вне времени жизнь немислима, при этом само время становится причиной прекращения жизни и зарождения ее нового цикла. Неудивительно, что этой проблеме посвящено множество исследований не только в психологии, но и в философии. Древний мир очертил ее границы и наделил их свободой. И эта древняя свобода человеческой души и духа сегодня получила название науки.

В античном мире проблема времени, осмысленная в ракурсе психологии, представлена в знаменитых философских памятниках. Иначе не могло и быть по той простой причине, что философия, являясь на протяжении длительного исторического периода универсальной наукой, наукой наук, включала в себя также и психологическое осмысление бытия, более того, в античности доминировали именно психологические дискурсы. В огромной степени это относится к переживанию феномена времени, так как уже с древних пор его понимание сопровождается эмоциями. Время – такая беспрецедентная реальность, которая определяла и программировала как обыденную жизнедеятельность человека, так и его психическое мировосприятие; то и другое не мыслится в отрыве друг от друга. Смысл жизни человека не может быть определен вне временного переживания жизнедеятельности, более того, сам смысл порождается тем, как человек переживает время. *Само понятие «смысл жизни» является понятием смысла времени.* Таким образом, смысловое поле человеческой жизнедеятельности пронизывается переживанием и пониманием времени. Античность с ее богатейшей мифологией уделила пониманию времени огромное место. В ряду такого рода мифов выделяется древнегреческий миф о Хроносе (Кроносе), порождающем и пожирающем своих детей. Здесь выражена сама суть времени – это то, что порождается и сразу же уничтожается. Для полноценного психологического осмысления этой мифологемы приведем краткое описание самого мифа.

«Крон, в греческой мифологии один из титанов, сын Урана и Геи, по наущению своей матери оскопил серпом Урана, чтобы прекратить его бесконечную плодовитость. Воцарившись вместо отца, Крон взял в супруги свою сестру Рею. По предсказанию Геи, его должен был лишиться жизни собственный сын, поэтому как только у Реи рождались дети, Крон тотчас

их проглатывал»¹. Далее выявляются дополнительные аспекты мифа. Рея обманула Крона, подсунув ему вместо новорожденного Зевса запеленатый камень. Благодаря этому Зевс выжил и был тайно вскормлен в пещере на острове Крите. Возмужав, Зевс напоил Крона волшебным питьем и заставил изрыгнуть на свет своих братьев и сестер. «Народная этимология сблизила имя Крона с наименованием времени – Хроносом»².

В римской мифологии бог времени, как известно, носит имя Сатурн. Время практически всесильно, и сын приходит на смену отцу, как бы последний ни пытался отстоять свою власть. Ничто, кроме времени, не способно лишить отца власти. Мы видим, что в древнегреческом мифе Зевс должен повзрослеть, прежде чем сместить отца с престола. Время – это рождение и смерть. В мифе о Хроносе этот процесс крайне быстротечен, однако и в реальной жизни господствует суровый закон времени. Хронос освобождает своих детей. Это означает, что каждый из них после рождения обязан прожить жизнь и лишь затем погибнуть. Любопытно, что даже в мифе, где фантазия безгранична, время все же втиснуто в рамки жизни и смерти. Рождаясь во времени, человек погибает в его бесконечности. Конечно же, бесконечность не имеет предела, а сам Хронос – кончины. Тем не менее, человек, оказываясь при рождении в реальном времени, является существом конечным. Именно в бесконечном времени заложена конечность человека. *Конечность бесконечности заложена в носителе времени – человеке.* Без человека мы вообще не можем судить о времени. В человеке изначально заложены идеи бессмертия и смертности, и обе существуют благодаря друг другу. Точно так же, как бессознательная сфера психики не может быть определена вне сознательной сферы, вневременность не постулируется вне границ временности. *Хронос нашего бессознательного постоянно пожирает детей нашего сознания.* Но простое пожирание-вытеснение не способно сформировать полноценную здоровую психику, поэтому бессознательное периодически должно изрыгать поглощенные, но не ассимилированные сознанием факты жизни человека, его субличности. Поэтому каждому из нас необходим зрелый Зевс, который выведет из бессознательного Хроноса вытесненные психические содержания и осветит их сознанием. Миссия Зевса может быть представлена как миссия освобождения и осознания. Поэтому мы вправе представить данный миф и как структуру психодинамического консультирования. Может быть, именно потому каждый пациент бессознательно воспринимает психотерапевта в качестве Зевса, всемогущего властителя Олимпа, который способен выпустить на сцену сознания проглоченные Хроносом бессознательные травмы жизни. Бессмертие и смертность сосуществуют в психике человека, и одно невозможно без другого. В нашем бессознательном нет времени, наше бессознательное довременное, то есть вечно. Эта всемогущая часть нашей психики – наш постоянный спутник, наша космическая прародина. Довременность бессознательного рельефно проявляется в наших сновидениях, в наших невротических расстройствах. На этот чрезвычайно важный феномен обратил внимание еще Зигмунд Фрейд. «Сновидение прежде

¹ Мифологический словарь. М., 1990, с. 294.

² Там же, с. 295.

всего обнаруживает непреложную связь между всеми частями скрытых мыслей тем, что соединяет весь этот материал в одну ситуацию: оно выражает логическую связь сближением во времени и пространстве, подобно художнику, соединяющему на картине Парнаса всех поэтов, которые, конечно, никогда не находились вместе на одной вершине горы, но в понятии, несомненно, образуют одну семью»³.

Первое, что бросается в глаза при психических расстройствах, – это нарушение временного восприятия событий, их последовательности: реальная последовательность раздута до всеобщности и единовременности. Если в сознании человек привязывает болезнь к какому-то конкретному времени, то в бессознательном она привязана ко времени вообще. Поэтому человек и болеет. Ведь если наши расстройства подвергались бы шлифовке рационального объяснения, то их бы не было вовсе.

И вполне естественно, что психотерапия как раз и доводит бессознательный конфликт до осознания и тем самым избавляется от него, то есть Зевс выпускает на свободу своих некогда проглоченных Хроносом братьев и сестер. Это означает, что терапия тем самым принимает реальность не сознания, а бессознательного. Если мы хотим быть в жизни здоровы и самодостаточны, мы должны научиться доверять нашему бессознательному и никогда не пренебрегать им. Человек, всю жизнь акцентирующий свое внимание на здоровье, болен изначально – вся его жизнь превращается в бегство от болезни. Он обретает индивидуальность и самосознание слишком дорогой ценой – осознанием своей конечности.

Переживание времени на бессознательном уровне психики не ограничивается понятиями «внутреннего будильника» или «секретного календаря»; это переживание намного глубже, чем нам хотелось бы думать. Именно благодаря бессознательному переживанию времени возникают ощущения, что в различном возрасте и разную пору суток течение времени меняет свою продолжительность. Пожалуй, впервые в психологии (не считая вездесущих древнегреческих мудрецов) заговорил об этом феномене У. Джеймс, а не Леконт де Нуи, как считают многие. Вот что пишет У. Джеймс: «Когда мы становимся старше, один и тот же промежуток времени кажется короче, то есть кажутся короче дни, месяцы и годы; кажутся ли короче часы, это сомнительно, а минуты и секунды, по-видимому, остаются приблизительно той же величины»⁴. Конечно, любопытно, отчего У. Джеймс укоротил для старых людей месяцы и годы, не тронув при этом минуты и секунды. Это настолько же интересно, как и то, почему молодые люди, в отличие от людей постарше, часто выбирают часы без секундомера. Надо думать, что подобная дифференциация основывается на личном опыте; учтем, что Джеймс опубликовал свой труд в 1902 году, когда ему было 68 лет.

Переживание продолжительности времени в разном возрасте носит сугубо индивидуальный характер; многие старые люди ощущают его более объективно, время для многих из нас не бежит. Во многом эти переживания обусловлены осознаваемой или неосознаваемой жадой жизни

³ Фрейд З. Избранное. М., 1990, с. 108.

⁴ Джеймс У. Научные основы психологии. СПб., 1902, с. 223.

или утратой интереса к ней. Понимание Джеймсом феномена психологического времени поражает своей глубиной. Понятие настоящего времени лишено для него статуса реальности: «Действительно, настоящее является совершенно идеальной абстракцией, не только никогда не реализующейся в чувстве, но даже вероятно никогда не познаваемой теми, которые не привыкли к философскому мышлению. Размышление приводит нас к заключению, что настоящее должно существовать, но то, что оно существует, – никогда не может быть фактом нашего непосредственного опыта»⁵. *В переживании настоящего времени мы фиксируем то, что происходит как уже происшедшее, то есть оно и существует, и не существует. Поэтому тот отрезок времени, который мы называем настоящим, лучше назвать текущим.* В нашем переживании времени мы, скорее всего, сталкиваемся с его течением, которое нельзя зафиксировать в качестве статической единицы. Можем ли мы предположить существование пустого, незаполненного времени? Очевидно, нет. И для Джеймса это не вызывает сомнений. Мы не обладаем чувством пустого времени, не заполненного нашими делами или мыслями. Чтобы у человека возникло чувство времени, оно должно быть заполнено конкретным содержанием – таков вердикт Джеймса. Даже если человек ничего не делает, он ощущает время в биении сердца, в дыхании, в обрывках фраз, проносащихся в нашей памяти. «Короче говоря, если мы сделаем наше сознание, насколько можем, пустым, остается все же некоторая форма изменяющегося процесса в нашем чувствовании, и она не может быть устранена. И наряду с чувствованием этого процесса и с его ритмом существует чувство длины времени, которое продолжается. Таким образом, сознание смены является условием, от которого зависит наше восприятие потока времени; но нет никакой причины предполагать, что сами чередования пустого времени достаточны для того, чтобы возникло сознание о чередовании. Чередование это должно обладать некоторой **конкретной природой**»⁶.

Тем не менее, для того, чтобы какая-то конкретика вызвала чувство времени, само время должно предсуществовать объективно. Если время является формой существования физического мира, то есть физический мир не постигаем вне времени, оно должно существовать изначально. Чувство настоящего времени распространяется на прошедшие события – таково следующее положение Джеймса. Возвращаясь в прошлое, к нашим воспоминаниям, мы вновь перебрасываем их в настоящее. *Для нас настоящее время существует всегда, но существует оно в нашем прошлом. Настоящее время – это наше утраченное будущее, но сохраненное прошлое. Если мы способны перебрасывать прошлое переживание в настоящее, значит, мы способны управлять временем – точно так же, как оно управляет нами.*

Среди психологов, исследовавших феномен времени, нам бы хотелось, учитывая хронологию, выделить Вильгельма Ерузалема. В предисловии к русскому переводу его «Учебника психологии», опубликованного в 1911 году, известный ученый Н. Ланге писал: «Учебник психологии Еру-

⁵ Там же, с. 221.

⁶ Там же, с. 222.

залема прежде всего обладает большими дидактическими достоинствами: он чрезвычайно доступен для понимания, излагает учения в высшей степени отчетливо, просто и систематически, наконец, весьма литературным языком. При весьма малом размере он даёт, однако, чрезвычайно полный обзор всех психических явлений, не упуская сведений ни по физиологической психологии, ни по психологии языка, ни анализа высших психических функций»⁷. Для Ерузалема существуют два понятия времени – ощущение времени и интуиция времени. Правда, дифференциация этих понятий настолько неопределенна, что порой кажется, что речь идет об одном и том же. Ощущение времени для нас практически непрерывно, оно не исчезает и во сне. Все психические процессы протекают в форме времени. Ерузалем считает: «Характерным моментом ощущения времени является именно его длительность, а не как это обыкновенно утверждается, последовательность»⁸. Хотя ощущение длительности практически невозможно без ощущения последовательности, для Ерузалема это, по-видимому, не совсем так. Однако вернемся к понятию «интуиция времени», введенному Ерузалемом: «Ощущение времени переходит в своем развитии в интуицию времени, благодаря участию вторичных явлений, особенно благодаря внимание и апперцепции. Чем чаще мы обращаемся к нашей памяти, чем чаще следим с напряженным вниманием за какими-либо явлениями, тем явственнее отделяется качественно неизменная работа сознания от постоянно меняющегося содержания его. Эта постоянная непрерывная работа сознания становится в силу этого формой, в которой протекает все, совершающееся внутри нас. Интуиция времени и есть не что иное, как такая форма внутренних явлений»⁹.

Итак, интуиция времени – это форма психических явлений, практически той же формой является ощущение времени. В чем тут разница, остается лишь домысливать. Скорее всего, Ерузалем интуитивно чувствовал, что существует интуиция времени, но ему, к сожалению, не удалось сформулировать эту мысль более отчетливо. Наверное, речь идет о том, что, как только мы начинаем сознавать ощущение времени, мы переходим к его интуиции. Точка зрения Ерузалема в отношении субъективного восприятия времени более интересна. Как мы субъективно воспринимаем время? «Мы определяем, таким образом, протекающее сейчас время сообразно с чувством работы нашего сознания; протекшее же время – сообразно с массой воспринятого нашим сознанием содержания»¹⁰. Итак, протекающее – это настоящее время, протекшее – прошедшее. И тот и другой виды времени различаются, таким образом, по критерию познавательной или информативной наполненности. В настоящем время наполняется содержанием сознания, в прошедшем оно уже им наполнено.

В начале XX века Анри Бергсон опубликовал свою знаменитую «Творческую эволюцию», перевод которой на русский язык был осуществлен В. А. Флеровой в 1914 году. Этот фундаментальный труд включил в

⁷ Ерузалем В. Учебник психологии. М., 1911, с. 4.

⁸ Там же, с. 181.

⁹ Там же, с. 182.

¹⁰ Там же, с. 186.

себя самые разнообразные аспекты экзистенции, среди которых особое место занял вопрос изменяемости как непрерывного процесса и вопрос длительности как процесса постоянного наслоения прошлого на прошлое. Весь мир – это постоянное изменение. «Но для нас удобнее не обращать внимания на это непрерывное изменение и заметить его только тогда, когда оно увеличится настолько, что даст телу новое положение и направит внимание по новому пути»¹¹. Таким образом, истина – в постоянной изменяемости мира. Новые психологические состояния не новы с точки зрения постоянной изменяемости мира, это мы, люди, называем их новыми, когда они вдруг привлекают наше внимание. «Кажущаяся прерывность психологической жизни зависит, следовательно, от того, что внимание наше останавливается на ней путем ряда отдельных актов: там, где существует постепенный уклон, мы видим ступени лестницы, следуя ломаной линии, какую образуют акты нашего внимания»¹².

Кажущаяся прерывность психологической жизни способствует формированию мысли о существовании аморфного, неизменного и индифферентного «Я». Практически человек фиксирует своим вниманием лишь измененные состояния, оставляя вне поля зрения сам процесс изменения. Однако: «Если бы наше существование складывалось из отдельных состояний, синтезировать которые предстояло бы бесстрастному «Я», то для нас не существовало бы длительности. Ибо «Я», которое не меняется, – не длится; и психологическое состояние, остающееся тождественным самому себе, пока не сменится следующим состоянием, – не длится в одинаковой степени»¹³.

А. Бергсон не только описывает состояние времени, он его глубоко чувствует. Длительность времени, по Бергсону, не является сменяющимися друг друга моментами; если бы это было так, тогда бы мы имели дело исключительно с настоящим, а это значило бы, что мы вообще не воспринимаем феномен времени, ведь постигаемое время представлено в сознании в трех измерениях – в прошлом, настоящем и будущем. «Ибо наша длительность не является сменяющимися друг друга моментами: тогда всегда было бы только настоящее, не было бы продолженности прошлого в настоящем, не было бы эволюции, не было бы конкретной длительности. Длительность – это непрерывное развитие прошлого, вбирающего в себя будущее и расширяющегося по мере движения вперед. Но если прошлое растет беспрерывно, то оно и сохраняется бесконечно»¹⁴.

Прошлое постоянно находится в процессе накопления, а над будущим постоянно висит угроза банкротства, которое не наступит никогда, по той простой причине, что, накопившись, прошлое вновь окажется будущим. Для А. Бергсона прошлое не только вновь и вновь обрастает все новым онтогенетическим содержанием, оно постоянно прорывается наружу, в настоящее, и именно для того, чтоб оно полностью не захватило челове-

¹¹ Бергсон А. Творческая эволюция. М.-СПб., 1914, с. 2.

¹² Там же, с. 2-3.

¹³ Там же, с. 4.

¹⁴ Там же, с. 4.

ческую психику, существуют заградительные средства сознания. Эти мысли А. Бергсона мы встречаем кристаллизованными в психоаналитической теории. Вдумаемся в следующую его мысль: «Мозговой механизм и создан именно для того, чтобы отстранять в бессознательное почти всю совокупность прошлого и чтобы вводить в сознание только то, что может осветить настоящее положение, помочь подготовляющемуся действию, одним словом, что может привести к полезному труду. Лишь контрабандой удастся проникать в полуоткрытую дверь другим воспоминаниям, которые являются уже как бы роскошью. Посланники бессознательного, они осведомляют нас о том, что мы влачим позади нас, не подозревая. Что мы такое, действительно, что такое наш характер, если не экстракт истории, прожитой нами от рождения, даже раньше рождения, ибо мы приносим с собой прирожденные особенности?»¹⁵.

Помимо явных психоаналитических положений, мы замечаем у А. Бергсона глубокое проникновение в интуитивное переживание времени. Человек – это его будущее, ставшее прошлым, становящееся прошлым. Мы стремимся сделать наше будущее прошлым; как Хронос, пожирающий своих отпрысков, мы пожираем свое будущее.

Каждый миг в нашей жизни мы стремимся к самоуничтожению. Заложено в бессознательном бессмертие не может быть проявлено иначе, как с помощью смертности. Смертность вообще возможна как часть иного состояния – бессмертия. Способ, с помощью которого смертность выражает свою суть, это физическая болезнь, просто боль. А боль – это нереализованная мысль человека, не реализованная в настоящем и поэтому постоянно напоминающая о себе в виде боли, часто физической.

Логика изложения мыслей А. Бергсона должна была привести к тому, что человек в своем настоящем постоянно переживает состояния прошлого и тяготеет к этому. Однако нам это лишь кажется, или мы хотим, чтобы таков был ход размышлений А. Бергсона. Состояния прошлого, утверждает А. Бергсон, не могут дважды повториться в сознании одного человека, так как человек постоянно меняется и в каждый миг он уже не тот, кем был до этого. Принцип развития предполагает наличие перемен, и с этим никто не станет спорить. Однако прошлое не остается для человека неизменным, оно постоянно обрастает новыми эмоциональными содержаниями и со временем иначе оценивается. Если наше прошлое постоянно вторгается в наше настоящее, постоянно напоминает о себе, это значит, что мы крайне заинтересованы в нем, мы не хотим оторваться от него, мы хотим вновь его пережить в настоящем, мы нуждаемся в «настоящем-прошлом». «Пусть непосредственное наблюдение показывает нам, что сама основа нашего сознательного существования есть память, т. е. продолжение прошлого в настоящем или иначе действенная и невозвратимая длительность»¹⁶.

Говоря о невозвратимости прошлого, А. Бергсон имеет в виду физическое или линейное время, а не психологическое. И это крайне важно,

¹⁵ Там же, с. 5.

¹⁶ Там же, с. 15.

поскольку, конкретизируя мысли того или иного ученого, мы приучаемся определять круг проблем, которые он интерпретирует. Присущая многим тенденция критиковать не то, о чем пишет автор, а то, чего он не написал, – серьезная преграда для объективного понимания той или иной теории.

Итак, А. Бергсон говорит о принципиальной невозможности вернуть прошлое время в настоящее, а не о том, что события прошлого способны психологически воздействовать на настоящее-будущее человека и программировать это будущее. Чтобы внести дополнительную ясность, отметим следующее: в психологии различают три способа восприятия, переживания и оценки времени: 1) хронометрию, т. е. опосредованное восприятие времени с помощью средств, служащих для его измерения, – часов, секундомеров; 2) хронологию, т. е. такое переживание времени, которое получает свое объективное выражение благодаря соответствию общим для всех обстоятельствам – временам года, дням недели, явлениям природы, социальным фактам; 3) хрогнозию, т. е. непосредственное переживание длительности того или иного явления.

Длительность принципиально невозвратима; мысль А. Бергсона именно такова. Однако переживание этой длительности составляет человеческую особенность восприятия себя во времени. Психологическое переживание длительности как времени становится возможным благодаря бессознательному; с некоторой долей вероятности мы можем утверждать, что именно это имел в виду А. Бергсон, когда писал: «Метафизик, бессознательно живущий в каждом из нас и присутствие которого объясняется, как мы это увидим далее, самим местом, занимаемым человеком среди живых существ, имеет свои определённые требования, свои готовые объяснения, свои несокрушимые положения: все они сводятся к отрицанию конкретной действительности»¹⁷.

В феноменологии делается попытка проанализировать способ переживания времени, пространства и причинности пациентами, страдающими различными психическими расстройствами. Здесь основные категории психического мироосмысления – это время (темпоральность) и пространство (пространственность). Исследование психологического времени, или темпоральности, часто сводится к выявлению временной разности протекания реакций у нормальных людей и лиц, страдающих психическими расстройствами. Предметом исследования в экзистенциальной психологии является и то, как оценивают разные люди продолжительность времени.

«В феноменологическом исследовании темпоральность становится основной координатой, которая ставится в центр внимания. Что такое время? В житейском смысле, в нашем повседневном опыте время – это одна из форм более широкого понимания темпоральности»¹⁸. Признаваемые в различных областях знаний характеристики времени сводятся к длительности, необратимости и симультанности. Известный биолог Леконт де Нуи выдвинул предположение – каждый частный процесс, фиксируемый в жи-

¹⁷ Там же.

¹⁸ **Элленбергер Г.** Клиническое введение в психиатрическую феноменологию и экзистенциальный анализ // Экзистенциальная психология. М., 2001, с. 211.

вой материи, имеет свое внутреннее психологическое время, собственную единицу времени. Безусловно, категория времени, рассмотренная с позиций различных наук, имеет различные характеристики «Для психолога, – тонко подмечает Г. Эллиенбергер, – проблема времени совершенно иная, потому что мы имеем дело с непосредственным субъективным переживанием времени и с открытиями экспериментальной психологии. Главная проблема состоит в том, что психологическое время не подходит к жестким образцам физического времени, хотя они и связаны друг с другом»¹⁹.

Кроме всего прочего, проблема психологического времени, рассмотренная с точки зрения функционирования бессознательного и сознательного, открывает для нас бесконечные перспективы в познании психического «Бессознательная оценка времени – это очень сложный феномен. Эксперименты показывают, что эта оценка зависит от клеточного метаболизма: после приема тироксина продолжительность времени кажется длиннее, чем на самом деле, а после хинина – короче. С другой стороны, полусознательная оценка времени производится разными средствами: будучи голодными, воспринимая дневной свет, слыша пение птиц, мы по-разному оцениваем время. Наконец есть доказательства удивительно точных, абсолютно бессознательных оценок времени. Речь идет о “внутреннем будильнике”, который позволяет некоторым индивидам по желанию просыпаться в нужное им время, о выполнении постгипнотического внушения точно в требуемое время, даже спустя недели или месяцы после внушения, и о “секретном календаре” (Штекель), согласно которому некоторые счастливые события происходят на годовщины определенных событий нашей жизни»²⁰.

Если физическое время не подвергается изменениям в соответствии с волеизъявлением человека, то психологическое переживание времени – это образ, «который меняется с изменением образа себя в целом»²¹. Именно в психологическом времени человека свернуты процессы развития здоровья и болезни. И в этом смысле мы вполне спокойно можем принять мысль о том, что здоровый человек – это человек, становящийся больным, как и наоборот. Бессознательное психическое вносит смысловое измерение в психологическое время человека, в человеческий организм как таковой. Оно пытается освободить человека от переживаний причинно-следственного времени, оно пытается вытеснить Я-сознание, так как в Я-сознании заложена смерть. Но человек не способен воспринимать бессмертие вне Я-сознания. Поэтому на этом отрезке анализа проблемы мы натываемся на явное противоречие: формирование Я-сознания приводит человека к необходимости принять свою смертность, а состояние бессмертия не может быть осознано в Я-сознании. «Знать» и «осознавать» – принципиально разные понятия. Вне Я-сознания невозможен процесс психического развития. Поэтому оба уровня психики заключают определенную сделку или обмен – бессмертие на развитие. Поэтому оба понятия могут рассматриваться идентичными в плоскости психологического анализа.

¹⁹ Там же, с. 212.

²⁰ Там же, с. 593–594.

²¹ **Фейфел Г.** Смерть – релевантная переменная в психологии // Экзистенциальная психология. М., 2001.

ՎԼԱԴԻՄԻՐ ՄԻՔԱԵԼՅԱՆ - Մարդու հոգեբանական ժամանակը (պատմագիտական համառոտ ակնարկ) - Հոգեբանական ժամանակի երևույթը գիտության ուսումնասիրության առարկա է եղել դեռևս հին եգիպտական մշակույթում: Պատմական և մշակութային յուրաքանչյուր ժամանակահատված իր պատկերացումներն է ներմուծել այդ երևույթի մեջ: Հեղինակը հոգեբանական ժամանակը դիտարկում է երկու տեսանկյունից՝ գիտակցական և անգիտակցական: Այդ երկու մակարդակներում հոգեբանական ժամանակն ունի տարբեր դրսևորումներ:

VLADIMIR MIKAELYAN - *The psychological time of human being (a brief historical review)*. - A person may be sick or healthy with respect to different ages during his/her life. In case we manage to find out at which age one got, for instance, stomach ulcer, we can quite efficiently relieve the person's sufferings by introducing some necessary existential corrections into the age one fell ill. It is the age of the person that is affected and not his or her organism. The sickness in its essence is the result of the shortage of existential investments into each age. In the unconsciousness, the experience of time turns into the experience of meaning, age-specific meaning. Each age must assimilate some certain meaning of psychic development. If at a definite age this meaning is not actualized and activated, the need for it is carried into other ages in form of a disease.